

Е.В. Метель*

E.V. Metel*

**Учительство в первые годы
советской власти:
идеологическая трансформация**

**Teaching in the Early Years
of Soviet Power:
Ideological Transformation**

doi:10.31518/2618-9100-2021-6-10

doi:10.31518/2618-9100-2021-5-10

УДК 908

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Метель Е.В. Учительство в первые годы советской власти: идеологическая трансформация // Исторический курьер. 2021. № 6 (20). С. 122–133. URL: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-10.pdf>

Metel E.V. Teaching in the Early Years of Soviet Power: Ideological Transformation // Historical Courier, 2021, No. 6 (20), pp. 122–133. [Available online: <http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-6-10.pdf>]

Abstract. The essence and significance of pedagogical congresses, as well as their role in transformation of the teaching status, are described in the paper: from the opposition in December 1917 to the loyal attitudes to the Soviet government in 1925. The aim of the work is to study the processes of consolidation in the teaching environment, as well as ways of using them by the example of the events of the First All-Union Teachers' Congress and subsequent activities on the ground (in particular, in Biysk and the surrounding countryside). In the course of the work, statistical data and archival documents, such as “Materials for the retraining of mass teachers in the village (plans, protocols, regulations and correspondence for Biysk Uyezd), for 1924”, contained in the archive department of the Biysk City Administration, were analyzed. The article considers the position of a number of historians who think that the main task of the events is political. Quite tangible results in the form of institutions of a new way of life are demonstrated by the example of historical practice. The author considers that the concept of “Teaching – part of the proletariat” was the most significant. It was used to form the social identity of teachers, to join the group of Soviet citizens, so that in the future teachers could transmit the necessary values, ideas and concepts to the masses. In addition, the study indicates that in the 1920s the authorities sought to use such congresses to direct teachers to assist in the cause of socialist construction.

Keywords: pedagogical congresses; elimination of illiteracy; Soviet power; teachers; 1920s.

The article has been received by the editor on 26.05.2021.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Исследование описывает сущность и значение педагогических съездов, а также их роль в трансформации политических позиций учительства: от оппозиционных настроений до лояльности советской власти. Целью статьи является исследование процессов консолидации в учительской среде, а также способов их властного использования на примере организации и проведения I Всесоюзного учительского съезда и последовавшей за ним деятельности на местах (в частности в Бийске и близлежащей сельской местности). В 1920-е гг. власть использовала подобные форумы, чтобы привлечь учителей к делу социалистического строительства. Рассматривается процесс создания учреждений нового быта. Наибольшее значение имела концепция «учительство – часть пролетариата». Она применялась для трансформации социальной идентичности педагогов, их присоединения к общности советских граждан, чтобы в дальнейшем учителя могли транслировать необходимые ценности, идеи и концепции в массы.

* Метель Екатерина Вячеславовна, преподаватель, Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, Бийск, Россия, e-mail: metel-ev@mail.ru

Metel Ekaterina Vyacheslavovna, Teacher, Altai State Humanitarian and Pedagogical University Named After V.M. Shukshin, Biysk, Russia, e-mail: metel-ev@mail.ru

Ключевые слова: педагогические съезды; ликвидация безграмотности; советская власть; учительство; 1920-е гг.

Педагогические съезды были одной из значимых форм общественно-педагогического движения в пореформенной и постреволюционной России. Они способствовали развитию педагогической мысли, консолидации учительства, стимулировали творческий поиск и обмен опытом.

Первые съезды начали проводиться в 1860-е гг. по инициативе земств и совмещались с организацией учительских курсов. Циркуляром министра народного просвещения в июле 1885 г. съезды учителей были запрещены и возобновлены только в 1890-х гг. с новым подъемом общественно-педагогического движения. С этого времени и особенно после 1905 г. созывались съезды по вопросам внешкольной работы, женского, профессионального, дошкольного и других видов образования, отдельным школьным предметам и отраслям народного просвещения. Описанное выше хорошо известно исторической науке: педагогические съезды конца XIX – начала XX в. подвергались всестороннему исследованию¹.

Первое десятилетие советской власти было отмечено массовой общественной активностью учительства: на съездах рассматривались вопросы реформы школы и создания советской системы образования. И именно эти темы кажутся нам более актуальными. Существует некоторое количество работ, авторы которых освещают общее значение съездов в образовании, а также описывают роль педагогов в профессиональной среде в частности и в обществе в целом (например, М.В. Демчишин², А.Н. Поздняков³). Фундаментальные научные изыскания избегают сужения области своих исследований до вопросов проведения съездов различных уровней и в основном обращают внимание на более общие вопросы (например, реформирование/трансформация системы образования в тот или иной хронологический период). Наибольшее количество работ, посвященных съездам, можно найти в области региональной истории. Исследователи на местах также рассматривают съезды через парадигму реформы системы образования и новой концепции культурной политики государства (например, В.А. Ермолов⁴, Н.П. Щетинина⁵). Однако благодаря широко представленному разнообразию местной специфики в нашей стране из этих работ можно почерпнуть множество нюансов, позволяющих составить более достоверное представление об исследуемом вопросе.

Целью данной статьи является исследование процессов консолидации в учительской среде, а также способов их использования на примере мероприятий Первого Всесоюзного учительского съезда и последующей за ними деятельности на местах (в частности в Бийске и близлежащей сельской местности).

Исследование затрагивает относительно незначительный хронологический период с 1917 по 1925 г. Временные рамки обусловлены постреволюционным вектором развития политики в сфере образования: события съезда и реализация его решений в 1925 г. проистекают из взаимоотношений учителей с новой властью, фундамент которых был заложен в декабре 1917 г., и государственных мероприятий в рамках школьной реформы.

¹ Педагогический энциклопедический словарь. М., 2002. С. 283–284.

² Демчишин М.В. Педагогические съезды первой трети XX века и их значение в контексте становления и развития теории и практики внешкольной педагогики России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4. С. 167–171.

³ Поздняков А.Н. Становление системы повышения квалификации учителей в 1920-е годы // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2012. № 1 (21). С. 143–148; Поздняков А.Н. Учительство и социально-политическая стратегия власти // Интеллигенция и мир. 2004. № 1-2. С. 67–73.

⁴ Ермолов В.А. Реформа школьного образования в рамках культурной политики советской власти в 20-х гг. XX века (на примере Новгородской губернии) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2009. № 2. С. 143–157.

⁵ Щетинина Н.П. Новая образовательная парадигма и проблемы профессионального развития рязанских учителей в 1918–1919 годах // Психолого-педагогический поиск. 2017. № 2 (42). С. 77–83.

Различные группы учительства по-разному приняли революцию и ее идеологию, поэтому реформирование школы проходило в сложных условиях. Как отмечал Ф.Г. Паначин, «быстрее это делали учителя начальных школ, труднее и сложнее совершался этот процесс в средних и высших учебных заведениях», многие учителя находились под влиянием кадетов и эсеров⁶. Захват власти большевиками в октябре 1917 г. был отрицательно воспринят подавляющей массой учителей городских и сельских школ как «попрание принципов демократии». Возмущение учителей усугублялось вмешательством большевиков в область просвещения: в первых числах августа 1917 г. в Петрограде состоялся Всероссийский учительский съезд (ВУС), на котором присутствовало 800 делегатов, был оформлен Устав и поставлены задачи полной реорганизации образования на началах свободы, демократизации и децентрализации. Планировалось провести работу мирным парламентским путем без классовых принципов. Но с приходом к власти большевиков в реорганизации образования стали преобладать иные принципы, и все надежды либерального учительства потерпели крушение. Съезд рекомендовал учительским организациям на местах воздержаться «от любых сношений с советской властью», кроме тех случаев, когда «необходимость в них обуславливается интересами защиты арестованных учителей». Временный Петроградский совет учительских делегатов (450 делегатов от 10 000 учителей города) постановил подвергнуть наркома А.В. Луначарского личному бойкоту⁷.

Противостояние учителей действиям советской власти нарастало. 15 декабря 1917 г. Временный Петроградский совет учительских делегатов постановил объявить всеобщую забастовку, но ее организованному проведению помешали непредвиденные обстоятельства. Надвигающийся голод и материальные затруднения в связи с дороговизной товаров первой необходимости раскололи учительское единство. Власть немедленно воспользовалась случаем и перешла в контрнаступление. 27 февраля 1918 г. Государственная комиссия по просвещению издала постановление о выборности всех педагогических должностей. На заседании Петросвета (Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов) в марте 1918 г. А.В. Луначарский констатировал: «Таким образом, будет удален всякий хлам и сохранен необходимый живой материал». Под «необходимым живым материалом» подразумевались учителя, бывшие явными сторонниками советской власти, а также те, которые были согласны с ней сотрудничать. В 1929 г. А.В. Луначарский утверждал, что «педагог может быть хуже детей, которых он воспитывает, но может хорошо воспитывать их, если у него есть понимание социализма, если он всей душой за новую правду и знает, как ее привить детям»⁸. Речь идет о социалистическом воспитании, о том, что для построения нового общества необходимы люди с иным мышлением. Меры по реализации этой идеи предпринимались через средства массовой информации, но этого не было достаточно без систематизированной работы в сфере образования.

Ломка старой школы и рождение новой протекали в условиях разрухи и голода. Материальное положение учителей ухудшалось. В январе 1918 г. Совнарком (Совет народных комиссаров) принял решение увеличить размеры учительского жалованья. Государственная комиссия по просвещению постановила увеличить оклад учителей начальных школ, который тогда составлял 67 руб. в месяц, до 150 руб. учителям средних школ и преподавателям высших начальных училищ. Прибавка была одной из мер привлечения учителей к сотрудничеству с советской властью, но инфляция быстро обесценивала деньги, стоимость рубля стремительно падала. Заработная плата временами задерживалась. Но если в крупных городских центрах деньги все же доходили до получателей, то в губерниях и уездах они часто использовались местными органами образования на покрытие других потребностей, а потому и приходили в школы с большим опозданием. В результате обесценивания рубля

⁶ Щетинина Н.П. Новая образовательная парадигма... С. 77–83.

⁷ Ермолов В.А. Реформа школьного образования...

⁸ Там же. С. 145–146.

Наркомпросу (Народному комиссариату просвещения) пришлось, как и на производстве, ввести пайковое снабжение⁹.

С окончанием Гражданской войны и введением нэпа (новой экономической политики) положение учителей значительно не улучшилось. Инфляционные процессы не прекратились, престиж учительской профессии падал. Педагогов теперь стали именовать «шкрабами» – по аббревиатуре тех лет, им стали выдавать хлебный паек значительно меньший, чем рабочим и совслужащим. В 1922/1923 учебном году месячная зарплата городского учителя составляла 13,12 руб., в деревне – 8,13 руб. Учитель школы второй ступени в городе получал 15,17 руб., а в деревне – 9,40 руб. Учителя начальных школ получали теперь лишь 75 % дореволюционного содержания¹⁰.

В начале XX в. жалование учителей средней школы составляло от 900 до 2 500 руб. в год. При выслуге установленного срока службы пенсия назначалась в размере полного оклада. Поэтому благосостояние среднего представителя профессии позволяло ему поддерживать свой престиж и отвечать представлениям о его роли в обществе. Теперь же, стремясь улучшить свое материальное положение, учителя стали покидать школы и переходить на работу в советские учреждения и на производство. Особо невезучие из учителей нанимались работниками к состоятельным крестьянам или осваивали различные ремесла на селе. Но и здесь не всем везло, и тогда в адрес Наркомпроса было направлено множество телеграмм, в которых сообщалось, что ««шкрабы» в очень тяжелом положении»¹¹.

Со своей стороны, власть начала понимать, что без опоры на учительство невозможно решить проблему поднятия общего культурного и политического уровня населения. Н.К. Крупская считала важнейшей задачей привлечение дореволюционного учительства к строительству новой школы, преодоление его враждебного отношения к советской власти. Решение этой задачи она возлагала на Союз учителей-интернационалистов как группу внутри общего профессионального союза учителей, видя в нем ту прослойку, которая ведет среди учительских масс пропаганду новой идеологии¹². Особенно это было важно на селе, где учителя представляли собой единственную образованную часть общества. Большевики помнили неприятие со стороны учительства и предпринимали попытки по приобретению союзников в этой среде. Было важно привлечь на свою сторону влиятельную силу и использовать ее в своих интересах.

Культурную оппозицию педагогов большевикам подтверждают слова передовых представителей партии. Так, в 1923 г. Г.Е. Зиновьев писал: «В первые годы нашей революции учительство в массе своей далеко не было на нашей стороне». В 1925 г., уже на Первом Всесоюзном учительском съезде, эту же мысль подтвердил председатель Совнаркома СССР А.И. Рыков: «При поддержке той громадной массы культурных сил, которая представлена... на настоящем собрании, Октябрьский переворот произошел бы более безболезненно и наши достижения, наши успехи... были бы гораздо значительнее»¹³.

Однако подобное положение дел не могло сохраниться по окончании революции и Гражданской войны. И хотя в условиях настороженного отношения к учительству, недоверия к нему, для многих со стороны власти прозвучало неожиданно признание его силой, от которой в значительной степени зависел успех социалистического строительства, тем не менее это было закономерно. Новую роль педагога в системе отношений «учитель – государство» можно проиллюстрировать словами Г.Е. Зиновьева: «Нам пришлось как-то обмолвиться фразой, что нашему учительству придется стать агитпропом советской власти в деревне. Часть товарищей считала преувеличенным такое заявление. Я думаю, теперь они убедились, что тут преувеличения не было. Учительство – агитпроп, это на первый взгляд звучит непонятно...». В том же духе высказывался и Н.И. Бухарин: «Наш народный

⁹ Ермолов В.А. Реформа школьного образования... С. 146.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Щетинина Н.П. Новая образовательная парадигма... С. 77–83

¹³ Поздняков А.Н. Учительство и социально-политическая стратегия власти... С. 67–73.

учитель... должен быть агентом нового мира... Он должен стать одним из самых крупных строителей социализма»¹⁴.

Вопросы уровня подготовки учительских кадров были поставлены под государственный контроль. Однако типичной для того периода картиной являлась ситуация, когда в руках учителя не было «ни газеты, ни книги, <...> часто элементарного учебника». Такое положение явно не соответствовало роли, которую предполагалось возложить на педагогические кадры. 1923 г. стал первым годом массовой курсовой переподготовки учителей. Судя по официальным данным, за этот год через губернские и уездные курсы прошли почти 32 % работников просвещения, а включая самообразовательную работу, и все 50 %. Результатом проведенной работы, по определению Наркомпроса и ЦК профсоюза работников просвещения, стало то, что «переподготовка несомненно повысила педагогическую квалификацию», однако более важным признавалось то, что «среди учительства, прошедшего курсы, создавалось определенное политическое настроение (политический сдвиг)»¹⁵.

Важным шагом по вовлечению учительства в дело «социалистического строительства» стал Первый Всесоюзный учительский съезд, который состоялся в январе 1925 г. Факт его проведения был результатом активной работы государства, а сам съезд должен был стать шагом в превращении педагогов в значимую союзную силу.

Ранее уже предпринимались шаги по ликвидации неграмотности. Привлечение к этому процессу учителей стало одним из шагов в государственной просветительской политике. Уже в 1918 г. по всей стране начали создаваться многочисленные краткосрочные курсы для учителей, число которых постоянно росло¹⁶, а 19 июля 1920 г. вышел декрет СНК РСФСР о создании Всероссийской чрезвычайной комиссии по ликвидации безграмотности (ВЧКЛБ) – специальной организации при Наркомпросе РСФСР, руководившей в 1920-х гг. обучением неграмотных и малограмотных¹⁷. Спустя некоторое время, шестого ноября 1924 г., было принято решение и составлено соответствующее «Циркулярное письмо об участии союза в работе по ликвидации неграмотности»¹⁸. Документ был подписан фамилиями председателя Цекпроса (Центрального комитета профсоюза работников просвещения) А. Коростелева и секретаря ЦК М. Аплетина (секретаря по международным вопросам ЦК Союза работников просвещения). В тексте письма сообщалось, что, согласно резолюции XI Всероссийского съезда Советов, была поставлена задача ликвидировать неграмотность среди взрослого населения РСФСР к десятилетию Октябрьской революции. Учебный год 1924/1925 выделялся из ряда других тем, что ВЧКЛБ принял решение о переносе акцента кампании на сельское население. Отмечалось, что выполнение данной амбициозной задачи возможно только с помощью общественных организаций, в частности при активной работе Союза работников просвещения. Предполагалось, что участие в ликвидации неграмотности являлось обязанностью членов вышеупомянутого Союза, так как текст письма содержит указание на то, что «каждый член Союза должен оказать посильную поддержку». Кроме того, организации должны указывать в своих отчетах участие в данной работе с приведением конкретных цифровых данных. Меры, принимаемые комиссией до этого времени, не оставили своего следа в российской глубинке, а данный документ как будто бы активизировал просветительскую работу. Примерно через три месяца был проведен Всесоюзный учительский съезд, и кампания продолжилась уже совершенно в других масштабах.

Важную роль должен был сыграть не только сам съезд, но и подготовительная работа к нему. В связи с этим проводились местные съезды и конференции учителей, на которых давались так называемые «наказы» делегатам. Об их содержании можно судить, например,

¹⁴ Поздняков А.Н. Учительство и социально-политическая стратегия власти... С. 67–73.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Щетинина Н.П. Новая образовательная парадигма... С. 77–83.

¹⁷ Декрет Совета Народных Комиссаров № 312 «Об Учреждении Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по ликвидации безграмотности» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 479.

¹⁸ Циркулярное письмо № 283 (350) об участии союза в работе по ликвидации неграмотности. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 4. Л. 32.

по наказу, принятому на основании постановлений уездных учительских конференций Иркутским губернским совещанием делегатов Всесоюзного учительского съезда. В нем говорилось: «Учительство вполне признает свои ошибки прежнего отношения к Коммунистической партии и советской власти и в то же время твердо заявляет, что к прошлому нет возврата, <...> учительство убедилось в правильности избранного трудящимися СССР и их вождем РКП пути к лучшей жизни и готово отдать все свои силы для того, чтобы внедрить в толщу рабоче-крестьянских масс коммунистическое просвещение...». Аналогичного рода документы принимались и на других съездах. Так, в «наказе» астраханских учителей подчеркивалось, что «учительство... вместе с партийными, советскими и комсомольскими организациями... должно стать стражем великих завоеваний Октября». В отчете о подготовке владимирских учителей к Всесоюзному съезду подчеркивалось: «Последние два года отмечены в жизни учительства как годы отхода от контрреволюции и политического “нейтрализма” и открытого перехода на сторону победившего рабочего класса. Рядом политических выступлений учительство подчеркнуло свою преданность Коммунистической партии и Советской власти»¹⁹.

В Алтайской губернии также был проведен «массовый съезд учительства». Его решением был принят к исполнению План зимне-весенней переподготовки массового учительства в деревне по Алтайской губернии. Он был сформирован в брошюру и распространялся как бесплатное приложение к журналу «Алтайская деревня»²⁰.

Съездом были запланированы конференции, выставки и кружки. К числу основных мероприятий можно отнести две зимние районные конференции, приуроченные к школьным каникулам. Каждая из них была запланирована по 80 часов (из расчета 10 рабочих дней по восемь часов). В ходе этих мероприятий предполагалось затрагивание двух тематических блоков: так называемого политико-просветительного и педагогического.

Первый цикл представлял собой совокупность следующих тем: Конституция РСФСР, экономическая политика советской власти и народное хозяйство России, исторический материализм, обзор внешней и внутренней жизни СССР. Второй цикл состоял из следующих тем: итоги первого триместра учебного года, конкретизация программы ГУС (Государственного ученого совета) на второй триместр, задание для работы кружков к весенней конференции. Примечательно, что при определении тем съезд конкретизировал содержание каждого вопроса, а по первому блоку приводил наименования литературных источников, по которым необходимо вести подготовку. Это было необходимо, так как съезд возлагал обязанность проведения конференции на учительские кружки, которые должны были распределить вопросы и подготовить доклады. Он полагал, что «таким образом, мы [съезд. – Е. М.] будем иметь возможность сразу пустить все кружки по определенной, нужной для учительства программе, и зимняя массовая конференция явится как бы итоговой сводкой всей проделанной кружками работы».

Весенняя районная конференция планировалась как продолжение зимней работы. В ней был заложен аналогичный принцип работы, а также было необходимо рассмотрение вопросов, которые логически проистекали из озвученных ранее. Первый цикл лекций именовался общественно-политическим и состоял из следующих тем: характеристика капиталистического строя и очерк его развития, советская власть и крестьянство, религия и коммунизм. Второй цикл – педагогический, в результате его работы было необходимо подвести итоги второго учебного триместра, а также конкретизировать программу ГУС на третий триместр.

Таким образом, педагоги в течение учебного года проходили дополнительную подготовку в области общих компетенций, профессиональных знаний, а также имели необходимый опыт взаимодействия с коллегами в целях обмена опытом и обсуждения дальнейшей работы. Так же как и в других губерниях, был принят «наказ» делегатам

¹⁹ Поздняков А.Н. Учительство и социально-политическая стратегия власти... С. 67–73.

²⁰ I. План зимне-весенней переподготовки массового учительства в деревне: по Алтайской губернии; II. Решения массового губернского съезда учительства Алтайской губернии. Барнаул, 1924. 20 с.

Всесоюзного съезда. По окончании работы съезда был составлен ряд документов, разосланных по регионам и инструктировавших способам реализации принятых им решений. Кроме того, продвижению кампании по ликвидации неграмотности способствовало изготовление агитационных плакатов.

На XII съезде РКП(б), состоявшемся в апреле 1923 г., была дана установка на переход от митинговой агитации к массовой пропаганде. В циркуляре РКП(б) «Об агитпунктах» отмечалось, что политические плакаты важны, так как рабочий и крестьянин, пришедший в клуб, по ним должны наглядно постичь смысл политики партии. В эти годы издательство Главполитпросвета выпускало плакаты политико-просветительского характера, Госвоениздат пропагандировал добровольные общества («Авиахим», «Добролет» и пр.), Центросоюз развернул агитацию за кооперирование крестьян, смычку города и деревни²¹.

XI съезд Советов и Первый Всесоюзный учительский съезд вывели работу по ликвидации безграмотности на новый уровень, усилив агитационную работу для привлечения все большего количества граждан. Одним из примеров подобной агитации является плакат «Ты помогаешь ликвидировать неграмотность? Все в общество “Долой неграмотность”»²², который был создан в Ленинграде в 1925 г. Также он содержал следующий текст: «Заветы Ильича – к 10-летию Октябрьской революции не должно быть ни одного неграмотного». Эти слова можно оценить как отсылку к резолюции XI Всероссийского съезда Советов. «Долой неграмотность» – это всероссийское добровольное общество. Оно было основано в 1923 г. и ставило своей задачей всемерное содействие проведению мероприятий по ликвидации неграмотности и малограмотности среди взрослого населения. Общество создавало школы, группы, члены его вели индивидуальную работу по обучению неграмотных, а также широкую политико-просветительскую работу. К 1930 г., по данным Большой советской энциклопедии, общество насчитывало около 3 млн членов и 200 000 ячеек; особенно большую работу оно проделало в деревне. За время своего существования (1923–1936 гг.) члены общества обучили около 5 млн неграмотных и малограмотных²³.

В центре иллюстрации – женщина, изображающая призыв. На ее голову надет красный платок, что дает основание предположить в героине делегатку: этот головной убор стал символом эпохи и женской эмансипации, особую популярность он получил благодаря Владимиру Маяковскому («Идут от станков, от земли и от кадок, под красный платок заправляя прядь. Сотни тысяч баб-делегаток выбраны строить и управлять»²⁴). Делегатка изображена на плакате неслучайно: именно они, как наиболее социально активные, наряду с учителями должны были способствовать ликвидации безграмотности. Наиболее крупно на первом плане изображен знак вопроса и текст призыва: «Ты помогаешь ликвидировать неграмотность? Все в общество “Долой неграмотность”». Более мелким шрифтом приведена цитата резолюции съезда Советов и изображены граждане, которые обучаются письму. В целом композиция выполнена в ярких контрастных цветовых решениях (черные и красные элементы на белом фоне), что должно привлекать внимание к плакату. И, по всей видимости, привлекало, учитывая успех кампании по ликвидации безграмотности.

Однако, помимо агитационной работы, осуществлялась и организационная работа в центре и на местах. Так, решения центральных органов прорабатывались и приводились в исполнение в глубинке. К примеру, автором примерного плана доклада о Всесоюзном учительском съезде²⁵ обозначено, что материал должен быть преподнесен с точки зрения четырех наиболее значимых вопросов: с позиции политического значения съезда, со стороны его значения в области «культурного строительства», относительно его роли в вопросе формирования союза работников просвещения, а также с позиции его влияния в

²¹ Источниковедение: учебник для академического бакалавриата. М., 2018. 396 с.

²² Ты помогаешь ликвидировать неграмотность? Все в общество «Долой неграмотность» [Изоматериал] [плакат] / худож. неизв. Л., 1925. 1 л. Цв. литогр.; 104×3 см. Ликвидация неграмотности – СССР Культурная революция – Россия – 20-е гг.

²³ Долой неграмотность // Большая Советская энциклопедия. М., 1969–1978.

²⁴ Маяковский В. Привет делегатке. «Рабочая газета». М., 1928.

²⁵ Примерный план доклада о Всесоюзном учительском съезде // Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 4. Л. 71–72 об.

области удовлетворения интересов учительства (материальных, правовых и культурных). Кроме того, что данный план был разослан в местные органы власти, материалы размещались в выпусках 2–10 издания «Учительская газета».

Среди предпосылок, определивших необходимость созыва съезда, были выделены два обстоятельства, которые также фигурировали как задачи «общественно-политического момента». К ним относились новая ориентация педагогических работников, лояльная к советской власти, рост их общественно-политической активности, а также необходимость развития взаимодействия города и деревни, укрепления союза рабочих и крестьян. Эти вопросы определили ориентацию съезда, преимущественно акцентировавшего внимание на сельские вопросы. После описания реалий жизни в деревне, освещения актуальных проблем следовали призывы о помощи сельскому учительству. На съезде были заслушаны доклады А.И. Рыкова, Г.Е. Зиновьева и Н.И. Бухарина. Среди прочих докладов особенно выделяется второе выступление «Учительство – часть пролетариата» – оно является наиболее значимым для формирования социальной идентичности учительства, для их присоединения к группе советских граждан.

Съезд позиционировался как элемент культурной революции. Он определил принципиальные позиции учительства и принял ряд конкретных решений по вопросам организации просвещения. Перед союзом работников просвещения была поставлена задача – быть организатором общественно-культурной работы учительства.

Съезд должен был способствовать решению ряда проблем, отрицательно отражавшихся на работе школы и на общественной деятельности учителя. К таковым необходимо отнести вопросы материального положения (несвоевременная выдача заработной платы, отсутствие пенсионного обеспечения), проблемы правового статуса («переброски», «проверкомы», «мобилизации ВИКами», охрана труда), а также вопросы в области культурных потребностей (снабжение литературой, организация самообразования, экскурсии). Необходимо отметить, что вопрос пенсионного обеспечения был разрешен во время съезда; при обсуждении проблем, связанных с охраной труда, в первую очередь было обращено внимание на положение «учительниц-матерей», а говоря о снабжении литературой, акцент был направлен на материалы на национальных языках.

На местах составлялись локальные планы для проведения кампании по проработке докладов и резолюций Всесоюзного учительского съезда²⁶. Например, бийский документ состоял из двух основных частей: в первой содержалось описание городских мероприятий, а во второй излагалось содержание кампании в сельской местности.

Среди мероприятий в черте города планировалось зачитывание докладов на открытых заседаниях партийных ячеек совместно с фабзавкомками (фабрично-заводскими комитетами, рабочими комитетами на заводах) в ряде организаций (холодильник, пивзавод, табачная фабрика, мельница, дом крестьянина, ЦРК, райпотребсоюз, милиция, кожевенный завод, текстильная фабрика, военкомат, почта и др.). Для реализации плана были утверждены 23 докладчика, как минимум двое из которых были женщинами.

В деревне вопрос о проработке докладов и резолюций Всесоюзного учительского съезда было решено поставить на очередных районных учительских конференциях и разослать по месткомам (местным комитетам профсоюзной организации) циркулярные письма с информацией о проведении кампании, а также с текстами докладов. Были установлены различные сроки для проведения конференций (в зависимости от районов), но в пределах 20 дней от даты составления плана (5 марта 1925 г.). Докладчики, так же как и для городских мероприятий, были назначены. Каждому из них предстояло выступить в одном или двух районах.

В целом планировалась более обширная работа. После проработки указанной темы на учительских конференциях педагоги, разъехавшись по местам своей службы, должны были сделать доклады о съезде на совместном заседании ячеек РКП и РЛКСМ, а также на общих собраниях граждан.

²⁶ План проведения кампании по проработке докладов и резолюций Всесоюзного учительского съезда // Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.

Резолюция совещания при Всесоюзном учительском съезде по вопросам работы среди крестьянок²⁷ была составлена совещанием делегатов Первого Всесоюзного учительского съезда совместно с отделом работниц и крестьянок ЦК РКП(б). Документ представляет собой разъяснение способов реализации положений, содержащихся в Постановлении XIII съезда РКП(б) по вопросу о более масштабном привлечении крестьянок в «строительство советской страны». В документе сформулировано восемь задач, которые было необходимо решить для достижения поставленной цели. К их числу относились следующие меры:

– увеличение степени участия учительства в ликвидации неграмотности, в первую очередь среди крестьянок-делегаток и крестьянок-общественниц (к примеру, путем шефства союза работников просвещения);

– участие учительства в работе делегатских собраний крестьянок, подготовка докладов, активная работа в комиссиях, секциях делегатских собраний;

– активное участие в проведении «дней крестьянки» и в работе «уголка крестьянки» при избе-читальне, вовлечение крестьянок в существующие кружки при избах-читальнях и помощь в организации дополнительных интересующих крестьянок кружков;

– привлечение крестьянок в школьные советы, комсоды (комиссии содействия) и на родительские собрания, добиваясь через матерей-крестьянок повышения процента девочек в школе;

– помощь в организации яслей, детских садов, детских площадок и коек для рожениц в деревне;

– способствовать подготовке крестьянок для обучения в вузах;

– участвовать в освещении вопросов труда и быта крестьянок в прессе для крестьянок, вовлекать в нее селькорок (сельских корреспондентов-женщин) из крестьянок, помогая им справляться с этой работой;

– содействовать распространению журналов «Коммунистка» и «Крестьянка», которые являются необходимым пособием в работе среди крестьянок.

Письмо о привлечении учителя к дошкольной работе в деревне²⁸ было сформировано Центральным комитетом профсоюзов работников просвещения и направлено губпросам и губоно (губернским комитетам народного просвещения и губернским отделам народного образования). Съезд концентрировал внимание на задаче поднятия общекультурного уровня деревни как основной среди поставленных перед учителями. Отмечается, что более значительная работа должна проводиться среди крестьянок как среди «наиболее костной» части населения. Кроме того, на попечении крестьянки находился ее ребенок, который фактически являлся беспризорным в период летних сельскохозяйственных работ. Зачастую это становилось опасным не только для самого ребенка, но и для всей деревни. Решение данных проблем съезд видел в создании детских учреждений, поэтому планировалась агитация на сходах, собраниях, конференциях, съездах, в избах-читальнях с целью создания к ближайшему летнему периоду площадок, садов, дошкольных групп при избах-читальнях и школах. Также учителя и избачи (работники изб-читален) должны были подготовить доклады, организовать кружки по вопросам дошкольного воспитания, а также уголки дошкольника.

Педагогические съезды были одной из значимых форм общественно-педагогического движения. Советская власть, с одной стороны, понимала, что без опоры на учительство невозможно решить проблему поднятия общего культурного и политического уровня населения, но, кроме того, использовала уже рабочий механизм профессиональных собраний педагогов и для удовлетворения собственных политических интересов. В ходе подготовки к масштабным общегосударственным съездам на местах педагоги в течение учебного года проходили дополнительную подготовку в области общих компетенций, профессиональных знаний, а также имели необходимый опыт взаимодействия с коллегами в целях обмена

²⁷ Резолюция совещания при Всесоюзном учительском съезде по вопросам работы среди крестьянок // Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 4. Л. 93.

²⁸ Письмо Цекпроса о привлечении учителя к дошкольной работе в деревне // Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 4. Л. 91.

опытом и обсуждения дальнейшей работы. После всесоюзных мероприятий решения прорабатывались и приводились в исполнение в регионах. Съезд позиционировался как элемент культурной революции. Он определил принципиальные позиции учительства и принял ряд конкретных решений по вопросам организации просвещения. В целом планировалась более обширная работа. После проработки указанной темы на учительских конференциях педагоги, разъехавшись по местам своей службы, должны были сделать доклады о съезде не только в педагогической среде, но и на совместном заседании ячеек РКП и РЛКСМ, а также на общих собраниях граждан.

Ряд историков полагает, что основная задача мероприятия – политическая. К примеру, А.Н. Поздняков ссылается на интервью председателя профсоюза работников просвещения А.А. Коростелева, данное им газете «Известия»: «Поскольку особое внимание <...> будет уделено общественным задачам..., вопросы ...профессиональные должны быть ...отодвинуты на второй план». Также в пользу позиции автора свидетельствует резолюция, принятая съездом. В ней содержались следующие слова: «Учительство... целиком и полностью разделяет программу Советской власти и призывает ...оказать еще более ...деятельное и активное содействие Советской власти». Кроме того, автор ссылается на слова Н.К. Крупской: «Одним только остались недовольны учителя – мало удалось обсудить дела педагогические...»²⁹. С другой стороны, анализ источников, составленных в регионах, показал, что как минимум половина тем, поднимаемых на провинциальных съездах, была посвящена именно профессиональным вопросам.

Фактически нельзя сделать вывод, что работа ограничивалась только политическими мерами. На практике имелись вполне осязаемые результаты, например, в виде учреждений нового быта. Так, к примеру, в Бийске не было женских консультаций, а к 1927 г. было организовано пять учреждений. Количество яслей за три года увеличилось в 21,5 раза – с двух до 43. Естественно, и это могло служить на пользу столь необходимой политической лояльности женщин вообще и учителей в частности. Но этот факт не позволяет преуменьшать значение данных мер в области социальной политики.

Работа среди учителей была важным аспектом в создании нового общества. Она касалась не только просвещения граждан, но, в первую очередь, и профессиональной подготовки самих просветителей. По данным С.М. Фридмана, в 1927 г. только 12,4 % учителей имели высшее образование, 57,9 % – среднее, а 13,2 % – низшее. Среди работников начальных школ доля учителей с низшим образованием была еще более значительной – 30–40 %. При этом лишь пятая часть учителей имела педагогическое образование³⁰. Так, для повышения качества их работы, а также для достижения целей, поставленных советской властью, было необходимо повышение квалификации основной части учителей, равно как и полноценная подготовка новых специалистов. В.А. Ермолов считает, что «наличие диплома и профессионализма не являлось обязательным условием для поступления на работу. Достаточно было рекомендаций политических или иных организаций, лояльных к власти. Главное – это каких политических взглядов придерживался кандидат на вакантное место учителя»³¹. Однако при анализе статистических данных очевиден прогресс в профессиональном педагогическом образовании: если к 1 января 1917 г. в России функционировало 145 мужских и 26 женских учительских семинарий³², то в 1927 г. количество педвузов только в РСФСР насчитывало 18 учреждений, а число педтехникумов – 251³³. Тем не менее лояльность также является немаловажным фактором, и для политической элиты было

²⁹ Поздняков А.Н. Учительство и социально-политическая стратегия власти... С. 67–73.

³⁰ Поздняков А.Н. Становление системы повышения квалификации учителей в 1920-е годы // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2012. № 1 (21). С. 143–148.

³¹ Ермолов В.А. Реформа школьного образования... С. 143–157.

³² Окушова Г.А. Подготовка учительских кадров в дореволюционной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 11. С. 80–85.

³³ Журавлев А.М. Опыт государственного руководства подготовкой учительских кадров для сельских школ в 1927–1932 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 76-2. С. 100–104.

значимо осуществлять социалистическое воспитание. Для построения нового общества необходимы люди с иным мышлением, и меры по реализации этой идеи предпринимались через средства массовой информации. Но этого не было достаточно без систематизированной работы в сфере образования, поэтому концепция «Учительство – часть пролетариата» являлась наиболее значимой. Она применялась для формирования социальной идентичности педагогов, для их присоединения к группе советских граждан, чтобы в дальнейшем учителя могли транслировать необходимые ценности, идеи и концепции в массы.

Таким образом, учителя, бывшие еще в конце XIX в. силой, склонной к консолидации, объединялись перед социально-экономическими трудностями первого советского десятилетия. Власть же стремилась направить эту активную общественную силу, и учительские съезды различных уровней стали одним из механизмов решения этой задачи. Эта деятельность стала давать результаты, и учительство приняло на себя роль идеологического союзника в социалистическом строительстве. Однако, кроме сугубо политических результатов в виде растущей идеологической лояльности населения, реализация мер способствовала расширению сети социальных учреждений и решению просветительских задач.

Литература

Демчишин М.В. Педагогические съезды первой трети XX века и их значение в контексте становления и развития теории и практики внешкольной педагогики России // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4. С. 167–171.

Долой неграмотность // Большая Советская энциклопедия. 3-е изд-е. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978 [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-bse.slovaronline.com/24647-Долой%20неграмотность> (дата обращения: 21.04.2021).

Ермолов В.А. Реформа школьного образования в рамках культурной политики советской власти в 20-х гг. XX века (на примере Новгородской губернии) // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2009. № 2. С. 143–157.

Журавлев А.М. Опыт государственного руководства подготовкой учительских кадров для сельских школ в 1927–1932 годы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 76-2. С. 100–104.

Источниковедение: учебник для академического бакалавриата / ред. А.В. Сиренов. М.: Юрайт, 2018. 396 с.

Окушова Г.А. Подготовка учительских кадров в дореволюционной России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. № 11. С. 80–85.

Педагогический энциклопедический словарь / ред. Б.М. Бим-Бад. М.: Большая рос. энцикл., 2002. 527 с.

Поздняков А.Н. Становление системы повышения квалификации учителей в 1920-е годы // Образование. Наука. Инновации: Южное измерение. 2012. № 1 (21). С. 143–148.

Поздняков А.Н. Учительство и социально-политическая стратегия власти // Интеллигенция и мир. 2004. № 1–2. С. 67–73.

Щетинина Н.П. Новая образовательная парадигма и проблемы профессионального развития рязанских учителей в 1918–1919 годах // Психолого-педагогический поиск. 2017. № 2 (42). С. 77–83.

References

(1969–1978). Doloy negramotnost' [Illiteracy Off]. In *Bolschaya Sovetskaya entsiklopediya*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya. Available at: URL: <https://rus-bse.slovaronline.com/24647-Долой%20неграмотность> (date of access: 21.04.2021).

Bim-Bad, B.M. (Ed.). (2002). *Pedagogicheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Pedagogical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. 527 p.

Demchishin, M.V. (2011). *Pedagogicheskie s'ezdy pervoy trety XX veka i ikh znachenie v kontekste stanovleniya i razvitiya teorii i praktiki vneshkol'noy pedagogiki Rossii* [Pedagogical

Congresses of the First Third of the 20th Century and Their Significance in the Context of the Formation and Development of the Theory and Practice of Extracurricular Pedagogy in Russia]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstva*. No. 4, pp. 167–171.

Ermolov, V.A. (2009). Reforma shkol'nogo obrazovaniya v ramkakh kul'turnoy politiki sovet-skoy vlasti v 20-kh gg. XX veka (na primere Novgorodskoy gubernii) [The Reform of School Education in the Framework of the Cultural Policy of the Soviet Government in the 20s of the 20th Century (on the Example of the Novgorod Province)] In *Obschestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)*. No. 2, pp. 143–157.

Okushova, G.A. (2010). Podgotovka uchitel'skikh kadrov v dorevolyutsionnoy Rossii [Teacher Training in Pre-Revolutionary Russia]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. No. 11, pp. 80–85.

Pozdnyakov, A.N. (2004). Uchitel'stvo i social'no-politicheskaya strategiya vlasti [Teaching and Socio-Political Strategy of the Government]. In *Intelligentsiya i mir*. No. 1–2, pp. 67–73.

Pozdnyakov, A.N. (2012). Stanovlenie sistemy povysheniya kvalifikatsii uchiteley v 1920-e gody [Formation of the System of Advanced Training of Teachers in the 1920s]. In *Obrazovanie. Nauka. Innovatsii: Yuzhnoe izmerenie*. No. 1 (21), pp. 143–148.

Shchetinina, N.P. (2017). Novaya obrazovatel'naya paradigma i problemy professional'nogo razvitiya ryazanskikh uchiteley v 1918–1919 godakh [New Educational Paradigm and Problems of Professional Development of Ryazan Teachers in 1918–1919]. In *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk*. No. 2 (42), pp. 77–83.

Sirenov, A.V. (ed.). (2018). *Istochnikovedenie: uchebnik dlya akademicheskogo bakalavriata* [Source Studies: Textbook for Academic Undergraduate Studies]. Moscow, Yurait. 396 p.

Zhuravlev, A.M. (2008). Opyt gosudarstvennogo rukovodstva podgotovkoy uchitel'skikh kadrov dlya sel'skikh shkol v 1927–1932 gody [Experience of State Management of Teacher Training for Rural Schools in 1927–1932]. In *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gertsena*. No. 76-2, pp. 100–104.

Статья поступила в редакцию 26.05.2021 г.